

Иван Валерьевич Ставров¹

stavivan@yandex.ru

МАЛЫЕ НАРОДЫ МАНЬЧЖУРИИ В НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ «РУССКОГО» ХАРБИНА

Изучение Маньчжурии в Российской империи на рубеже XIX—XX вв. являлось актуальной задачей как чисто научного, так и прикладного свойства. Большую роль в распространении знания о регионе сыграли журналы, публикуемые в г. Харбине, такие как «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии», «Известия общества изучения Маньчжурского края». В настоящей статье рассматриваются материалы, посвящённые малым народам Северо-Восточного Китая. В ходе работы были получены следующие результаты. Исследования русских учёных показали, что процесс китайской колонизации Дунбэя представлял собой длительный процесс, растянувшийся на несколько столетий и активно набравший ход лишь на рубеже XIX—XX вв. Китайская миграция в Маньчжурию способствовала трансформации традиционного хозяйства и быта тунгусо-маньчжурских народов, однако в начале XX в. ещё не привела к их ассимиляции. К важнейшим выводам русских учёных можно отнести наблюдение о начавшемся процессе седентаризации кочевых народов, их постепенного перехода к земледелию. Исследования «корейского вопроса» были вызваны изменившейся внешнеполитической конъюнктурой: выходом Японии к границам СССР. Корейское переселение в Маньчжурию стало инструментом правительства Японии по колониальному закреплению региона. Однако советские специалисты смотрели на миграцию корейских крестьян не односторонне. Важную роль в этом процессе сыграли социально-экономические факторы, сложившиеся на Корейском полуострове: неурожайные годы и последовавший за ними голод, возросшая эксплуатация со стороны государства и «феодалов», а также рост населения и, как следствие, аграрное перенаселение. Таким образом, материалы научной периодики представляют современным учёным своеобразный срез развития неханьских народов Маньчжурии, дают основания для проведения сравнительно-исторических исследований в соответствующей области науки.

Ключевые слова: Китай, Маньчжурия, неханьские народы, научная периодика, «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии».

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Ivan V. Stavrov²

stavivan@yandex.ru

**ETHNIC MINORITIES OF MANCHURIA
IN THE SCIENTIFIC PERIODICALS
OF “RUSSIAN” HARBIN**

The study of Manchuria in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries was a pressing issue of both a purely scientific and applied. Journals published in Harbin, such as “Vestnik Azii”, “Vestnik Manchzhurii”, and “Izvestiya Obshchestva Izucheniya Manchzhurskogo Kraja”, played a major role in disseminating knowledge about the region. This article presents an analysis of materials devoted to the ethnic minorities of Northeastern China. The following results were obtained in the course of the work. Research by Russian scientists has shown that the process of Chinese colonization of Dongbei was a long process that stretched over several centuries and actively gained momentum only at the turn of the 19th and 20th centuries. Chinese migration to Manchuria contributed to the transformation of the traditional forms of economy and life of the Tungus-Manchu peoples, but at the beginning of the 20th century it had not yet led to their assimilation. The most important conclusions of Russian scientists include the observation of the beginning of the process of sedentarization of nomadic peoples, their gradual transition to agriculture. Research into the “Korean question” was caused by the changed foreign policy situation: Japan’s access to the borders of the USSR. Korean resettlement to Manchuria became an instrument of the Japanese government for the colonial enslavement of the region. However, Soviet specialists did not look at the migration of Korean peasants one-sidedly. An important role in this process was played by socio-economic factors that developed on the Korean Peninsula: years of poor harvests and the famine that followed them, increased exploitation by the state and “feudal lords”, as well as population growth and, as a consequence, agrarian overpopulation. Thus, the materials of scientific periodicals present a unique cross-section of the development of the non-Han peoples of Manchuria to the modern researcher, providing grounds for conducting comparative historical research in the relevant field of science.

Keywords: China, Manchuria, ethnic minorities, scientific periodicals, “Vestnik Azii”, “Vestnik Manchzhurii”.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение Маньчжурии в Российской империи на рубеже XIX—XX вв. представляло собой актуальную задачу как чисто научного, так и прикладного свойства. Освоение дальневосточных рубежей страны требовало обезопасить её границы, а следовательно, возникла необходимость в спе-

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

циальных знаниях об окружающих странах, в первую очередь о Китае, особенно о его северных пределах. В немалой степени для решения этой задачи во Владивостоке был учреждён Восточный институт (1899), призванный готовить специалистов по восточноазиатскому региону (китаистов, маньчжуроведов, монголоведов и т.п.). Ещё одним востоковедческим центром на периферии империи стал г. Харбин, являвшийся центром российской администрации КВЖД. Именно здесь работали ряд известных учёных, в том числе те, кто перебрался на эти территории в период революции и Гражданской войны из Владивостока.

В Харбине в разные годы действовали Общество русских ориенталистов (1909—1927), Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК, 1922—1928)³ и др., в рамках которых осуществлялась работа по изучению восточного соседа России. Большую роль в сборе и анализе материалов по текущей ситуации в Северо-Восточном Китае сыграло Экономическое бюро КВЖД [30, с. 67—68, 115 и сл.]. Материалы периодической печати этих институций — журналы «Вестник Азии» (1909—1928)⁴, «Вестник Маньчжурии» (1925—1934), «Известия Общества изучения Маньчжурского края» (1922—1928) — послужили источником для написания настоящей статьи.

Изучение научной периодики, издаваемой в Харбине в первой половине XX в., предпринималось рядом исследователей. М.А. Павловская обратила внимание на историю российского востоковедения в Харбине, в том числе работу редакций научных журналов [30]. С.В. Смирнов изучал образ Китая в трудах харбинских ориенталистов [34]. Перу П.Н. Дудина принадлежит содержательный обзор региональных материалов по социально-политическим и культурным изменениям в Маньчжурии и Внутренней Монголии в первой половине XX в. [20]. Наконец, трудам и судьбам российских этнографов в Маньчжурии посвящена статья А.А. Хисамутдинова [39]. Эти труды подготовили основательную базу для дальнейшего изучения научной периодики, выпускаемой в Харбине. В настоящей статье будет представлен обзор материалов, затрагивающих судьбы малых народов Северо-Восточного Китая, главным образом тунгусо-маньчжуров и корейцев. При подготовке исследования большую помощь оказали опубликованные библиографические указатели П.Е. Скачкова [33] и особенно «История Маньчжурии XVII—XX вв.» под редакцией Ф.В. Соловьёва [22].

Как было установлено П.Н. Дудиным, среди региональных публикаций выделяются три течения: исследования, организованные Штабом

³ В 1927 г. Общество русских ориенталистов вошло в состав Общества изучения Маньчжурского края в качестве самостоятельной секции [39, с. 66].

⁴ Журнал был учреждён в 1923 г. под названием «Экономический вестник Маньчжурии» в качестве информационно-аналитического еженедельника. С 1925 г. был переименован в «Вестник Маньчжурии» и стал выпускаться ежемесячно [подробнее см.: 30].

Заамурского Округа Пограничной Стражи (г. Харбин), публикации, инициированные работой отдельных ведомств, например Экономического бюро КВЖД, и, наконец, труды, представленные «востоковедными кругами», посвящённые всестороннему изучению региона и подготовке специалистов [20, с. 764—765]. В настоящей работе анализу будут подвергнуты данные научной периодики, в которых исследуются неханьские национальности региона. Такие публикации можно разделить на материалы историко-этнографические и информационно-аналитические. Первые представлены путевыми заметками, обзорами, посвящёнными этнокультурным характеристикам коренного населения Маньчжурии, а также текстами, охватывающими вопросы сохранения культурного наследия малых народов. Вторые освещают главным образом этнополитические проблемы региона.

Под территорией Маньчжурии в работе понимаются три северо-восточные провинции КНР: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, а в некоторых случаях ещё и примыкающие территории Внутренней Монголии. В китайской традиции топоним «Маньчжурия» использовался редко. В эпоху Цин и позднее этот край именовали «тремя восточными провинциями» (东三省, *дунсаньшэн*), а с образованием КНР — «Северо-Востоком» (东北, *Дунбэй*). Однако в России и на Западе «Маньчжурия» — традиционное наименование изучаемого региона [подробнее см.: 41], которое активно использовалось значительную часть XX в.

ОСВЕЩЕНИЕ КИТАЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ РЕГИОНА

В середине XIX в. на восточных окраинах Российской империи устанавливается граница с Китаем по рекам Амур и Уссури, в связи с чем изучение Маньчжурии, пограничного с Россией края, приобрело стратегическое значение. Для империи Цин появление государства Романовых на рубежах домениальных владений правящей династии также имело огромное значение. Страх перед отторжением малозаселённой земли привёл к отмене многовековых ограничений по переселению китайцев на эти территории. В свою очередь, масштабная колонизация ханьцами Дунбэя вызывала со стороны российских властей и общественности опасения за судьбу дальневосточной окраины, выразившиеся в популярной идее «жёлтой угрозы», ползучей экспансии китайского населения, которое в конце концов заместит русских в данном регионе. Восприятие угрозы российскими элитами способствовало активизации изучения Маньчжурии российскими военными, а также учёными-востоковедами и этнографами.

На страницах научной периодики в разные годы на эту тему были опубликованы материалы А.В. Гребенщикова, А.П. Болобана, Б. Фрозе и др. Обзор А.П. Болобана посвящён изучению стратегии Китая по засе-

лению Маньчжурии с тем, чтобы сделать невозможным проникновение России на эти земли, а также сформировать плацдарм для отражения русской агрессии либо, наоборот, наступления на восточные её рубежи [9, с. 92—94 и сл.]. Б. Фрозе исследовал конкретные формы заселения ханьцами территории Внутренней Монголии [38].

Наибольшее число публикаций на эту тему (или связанных с ней) принадлежало профессору Восточного института во Владивостоке А.В. Гребенщикову, в 1909—1910 гг. осуществившего несколько экспедиций в северную часть провинции Хэйлунцзян. Одна из важнейших целей таких экспедиций (хотя она и не была артикулирована) состояла в исследовании китайской колонизации Северной Маньчжурии. Уже в 1909 г. в заметках «По Амуру и Сунгари» он подробно останавливался на вопросах активного заселения региона китайскими переселенцами: «Наличность факта подобного заселения указанных районов северной Маньчжурии даёт возможность сказать, что года через три правый (китайский) берег Амура действительно будет китайским, с прочным и плотным земледельческим населением, способным представлять собой аванпост китайской культуры и политики по отношению к левому (русскому) берегу» [18, с. 190]. Данное высказывание перекликается с записанными А.В. Гребенщиковым пересудами: «...в Благовещенске раздаются голоса: „китайцы нас сожгут“, „китайцы нас вырежут“ — мелодия, которая оказывается, звучит ежегодно, как только затихает навигация по Шилке и Амуру» [18, с. 194].

А.В. Гребенщиков отмечал, что во время его путешествий по Хэйлунцзяну неоднократно встречал пустые, но подготовленные к заселению китайцами земли, что являлось свидетельством государственной политики по рациональному освоению Маньчжурии [18, с. 208]. Однако китайское переселение в рассматриваемое автором время не привело к ассимиляции коренных национальностей. В начале XX в. здесь всё ещё проживало немало маньчжуров, дауров, орохонов, солонов (эвенков) и нанайцев (гольдов, хэчжэ), многие из которых вели вполне традиционный образ жизни.

В «Очерке заселения китайского Приамурья» [17] А.В. Гребенщиков рассматривает историю колонизации китайцами Маньчжурии в эпоху Цин (1644—1912), предваряя её краткими замечаниями о контактах выходцев из Поднебесной с местными народами ещё со времени империи Тан (618—906). На основании его материалов можно сделать несколько выводов, непосредственно связанных с тематикой настоящей статьи. Во-первых, китайское переселение в Маньчжурию — это длительный процесс, начавшийся, по крайней мере, в XVII в. Активизация переселения китайцев в регион произошла после 1860 г., когда была установлена российско-китайская граница по Амуру и Сунгари (на это также обращает внимание А.П. Болобан [9, с. 90; 23]). Во-вторых, миграция ханьцев оказала влияние на этнокультурный облик Дунбэя,

который из пустой, неосвоенной территории начал превращаться в типичную провинцию Китая. В-третьих, активный процесс заселения постепенно стал сказываться на изменении традиционных форм хозяйства ряда местных народов. По меньшей мере на рубеже XIX—XX вв. начался процесс седентаризации (перехода к оседлому образу жизни) кочевых народов — дауров и эвенков.

С последними тезисами перекликается доклад А.М. Баранова, зачитанный на сессии историко-экономической секции ОИМК: «Переселенец китаец, оседая на новой земле, со своими пожитками приносит свою государственность, свои законы, своё управление, свои суды и своё войско. Плуг китайского колониста-земледедца, проводя первую борозду на целинах Монголии и Маньчжурии, одновременно чертит и на политической карте Азии новую границу нового китайского уезда» [6, с. 5]. В этом метафоричном высказывании заключена некоторая тоска по уходящей эпохе «свободного» края, по былым традициям, культуре местного населения.

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ НАРОДЫ НА СТРАНИЦАХ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ ХАРБИНА

На страницах периодических изданий Харбина вышел ряд публикаций по этнографии коренных народов Маньчжурии. Этим вопросам были посвящены как специальные материалы, так и разделы более общих работ. Отдельные статьи носили в основном справочный характер, в других попутно освещались те или иные стороны жизни неханьцев, в третьих поднимались вопросы этнической истории региона. Исследования проводились под эгидой Восточного института (г. Владивосток), Общества русских ориенталистов, а затем Общества изучения Маньчжурского края, в том числе его секции этнографии, на протяжении нескольких десятилетий, главным образом с начала XX в. и до 1930-х гг. В ряде случаев организаторами экспедиций (как это было с путешествиями А.В. Гребенщикова) являлось армейское командование.

Исследованию «древностей» Маньчжурии, вопросам происхождения местного населения были непосредственно посвящены статьи В.К. Арсеньева⁵, А.М. Баранова, П.Н. Меньшикова, А.В. Гребенщикова [3; 7; 8; 13; 17; 27; 40]. Последний рассматривал этапы этнической истории в контексте описаний своих путешествий и встречаемых в пути «инородцев». В.К. Арсеньев и А.М. Баранов опубликовали материалы, посвящённые археологическому наследию края, а также проблемам его сохранения [3, с. 580—584; 8]. В очерке «Историческое прошлое Маньчжурии»

⁵ Упомянутые здесь статьи В.К. Арсеньева были опубликованы в журнале «Вестник Азии». 1916. Т. 38—39.

А.М. Баранов обобщил опыт изучения найденных археологических объектов, а также попытался связать их с данными китайской летописной традиции и этнографическим материалом [7]. В.К. Арсеньев в работе «Этнологические проблемы на востоке Сибири» поднимал вопросы происхождения народов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии. Здесь он показал роль древних миграций в формировании современного этнокультурного облика перечисленных регионов, когда-то не имеющих политических границ; охарактеризовал основные этнические группы, населяющие окраины России и Китая [3, с. 507—522].

Материалы этнографов и путешественников, опубликованные в периодической печати Харбина, представляют немалый интерес, так как содержат порой уникальные данные о численности и расселении неханьцев региона, особенностях ведения хозяйства и его трансформации в начале XX в. В Китае, только вступившем на путь деколонизации, этнографические изыскания практически не проводились, поэтому зачастую лишь труды иностранных исследователей и путешественников могли сохранить для нас историю малых народов страны.

Заметки маньчжуроведа А.В. Гребенщикова, опубликованные в журнале «Вестник Азии», стали первыми материалами по исследуемому нами вопросу. Его экспедиции по территории Маньчжурии, как уже отмечалось выше, имели целью изучение китайской колонизации региона, судоходности р. Нонни выше г. Цицикара. Однако, помимо чисто прикладных задач, он собирал образцы маньчжурского фольклора и литературы. Именно благодаря его работе до нас дошли такие памятники маньчжурской литературы, как «Книга о нишаньской шаманке», «Устав шаманской службы маньчжуров» [19, с. 120]⁶. Результаты научных изысканий были им опубликованы в книгах «Краткий очерк образцов маньчжурской литературы» и «Маньчжуры, их язык и письменность» (Владивосток, 1909 и 1912 г. соответственно).

В очерке «В Бутху и Мэргень⁷ по р. Нонни», изданном в четырёх выпусках «Вестника Азии» [13—16], А.В. Гребенщиков по ходу повествования приводит пространные цитаты из современных ему китайских работ, посвящённых географии и этнографии Северной Маньчжурии, тексты документов начала правления цинской династии, а также

⁶ Первое из упомянутых произведений имело два издания в России. Первое в переводе М.П. Волковой (1927—2006) увидело свет в 1961 г., второе в переводе К.С. Яхонтова — в 1992 г. (со списка, обнаруженного В.С. Стариковым (1919—1987) где-то между 1930-ми — 1955 гг.). Подробнее см.: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Samanka_Nisan/frametext.htm. «Устав шаманской службы маньчжуров» в полном объёме не публиковался, однако благодаря усилиям Т.А. Пан был издан его отрывок [19, с. 120].

⁷ Г. Бутха (布特哈) — в настоящее время городской уезд Чжаланьтунь (扎兰屯市) Автономного района Внутренняя Монголия; г. Мэргень (墨尔根) — современный городской уезд Нэньцзян (嫩江市) городского округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян.

собственные наблюдения. Армейское командование выделило для осуществления экспедиции крейсер пограничной стражи «Восемнадцатый», на котором проходило плавание по реке [13, с. 131]. Автор представляет данные об истории освоения китайского Приамурья в первые годы империи Цин, а также освещает китайский взгляд на «русскую проблему» XVII в. Движение русских землепроходцев привело к переселению дауров, солонов (эвенков) и некоторых иных народов в долину р. Нонни и в некоторой степени способствовало началу колонизации «китайского Приамурья» [13, с. 142—143]. На всём протяжении экспедиции автор повсеместно встречал поселения маньчжуров, дауров, солонов и ороحوнов. Во время работы на р. Амур и Сунгари описал поселения нанайцев (хэчжэ). Он особо отмечал, что коренное население Северной Маньчжурии в основном говорит на родных языках (маньчжурском, даурском и др.), а языком межнационального общения чаще всего выступал маньчжурский. Хэчжэ, проживающие неподалёку от границы с Россией, нередко владели русским [18, с. 198]. В государственных учреждениях Цицикара, Мэргэня и других мест официально использовались маньчжурский и китайский языки [14, с. 188]⁸. Повсеместное упоминание распространённости маньчжурской речи приводится А.В. Гребенщиковым в связи с установившимся мнением, «что маньчжуров уже нет, (растворились среди китайцев), а тем более не существует их языка» [14, с. 187; 18, с. 203, 207; 16, с. 111].

Немалое внимание учёный уделил описанию коренных народов, мест их проживания, обычаев и т.п. Говоря о поселениях гольдов, относительно компактно поселившихся в низовьях Сунгари, отмечал бедность некоторых деревень (Чичиха и Монхоко, например, встретили путешественника бедными глиняными мазанками) [18, с. 197]. Вместе с нанайцами-хэчжэ нередко проживали маньчжуры и китайцы. По ходу поездки автор приводит примерную численность проживавших в поселениях представителей коренных народов, упоминает не только крупные народы вроде маньчжуров и дауров, но и ороحوнов, манегров, эвенков. О вольной жизни этих людей А.В. Гребенщиков писал так: «Водная ширь Амура и его недра до сих пор ещё очень мало использованы, а берега его, по-видимому, долго ещё будут служить пристанищем вольной птицы и кочевников в роде манегров (кочуют по р. Сунь) и ороحوнов» [18, с. 194—195].

Ороحوны и солонь (эвенки) при династии Цин состояли в восьмизнамённой армии, участвовали в охране окраин страны и, судя по повествованию автора, пользовались равноправием с маньчжурами. Солонь в правление императора Цяньлуна (1711—1799) входили в состав армии, покорившей Джунгарское ханство (в настоящее время часть Синьцзяна).

⁸ Экспедиции А.В. Гребенщикова проходили до падения монархии в Китае (1912).

Они платили подать соболем — по одной шкурке на каждого охотника ежегодно [14, с. 175; 15, с. 154 и сл.]. Хозяйство ороочонов зиждилось на оленеводстве, а также на охоте. Значительную роль в быту выполняла берёза, из коры которой производили одежду и обувь [14, с. 175—176, 178]. Этот народ, согласно описаниям, придерживался шаманистических верований. Автор обратил внимание на начавшийся процесс седентаризации среди ороочонов, которые в его время стали массово заниматься огородничеством помимо традиционных видов экономической деятельности. Здесь же он описал стартовавшие аккультурационные процессы среди ороочонов «благодаря общению с маньчжурами и китайцами» [15, с. 151].

Обращает на себя внимание приведённая А.В. Гребенщиковым иероглифическая запись этнонима «орочон» через 鄂鲁人/鄂鲁春 (*элужень/элучунь*) [14, с. 175], а не как принято в настоящее время 鄂伦春 (族) (*элуньчунь(цзу)*). Иероглиф 鲁 (*лу*) обозначает «глупый, неотёсанный; слабый, незначительный», иными словами, имеет ярко выраженную негативную смысловую нагрузку. В период КНР, во время борьбы с «феодалными пережитками» в сфере «национального вопроса», эти «оскорбительные» иероглифы заменили на нейтральные.

Таким образом, А.В. Гребенщиков представил масштабный срез маньчжурского социума конца первой декады XX в. Этот социум был разнообразен и находился в стадии активной трансформации, сохраняя многие «традиционные» черты и приобретая новые. Ведущим фактором изменений стала масштабная китайская колонизация Северной Маньчжурии, которая привела в движение аккультурационные процессы. При этом, как подчёркивал автор, характерные черты культуры коренного населения края, такие как язык, религия, формы хозяйствования, в значительной мере сохранялись.

В очерке К.М. Рычкова «Тунгусские племена» приводится обзор дискуссии рубежа XIX—XX вв., посвящённой происхождению и классификации этих народов. Наиболее спорным автору представлялось происхождение дауров и отчасти солонов (эвенков), которых относили то к тунгусским народам, то к монгольским, то к этносам смешанного происхождения. Последняя версия к моменту публикации статьи представлялась наиболее взвешенной [32, с. 4—6]. По сообщению автора, дауры (наряду с маньчжурами) «до такой степени окитаились, что ни по языку, ни по обычаям, ни по костюму, наконец, они существенно не рознятся от природных китайцев» [32, с. 6]. Этот вывод противоречил недавним наблюдениям А.В. Гребенщикова и, скорее всего, был сделан под воздействием распространённого в то время стереотипа. В целом рассматриваемый очерк интересен скорее с точки зрения историографии. Его автор не занимался самостоятельными этнографическими исследованиями и опирался главным образом на опубликованные в России труды.

На страницах харбинских «вестников» были напечатаны ещё несколько заметок, не имеющих самостоятельного значения: это сообщения Е. Титова, специалиста по традиционному праву тунгусских народов [35; 36], и некоего «М.Н.». Заметка Е. Титова приурочена к 75-летию со дня смерти М.А. Кастрена, исследователя языка и фольклора народов Сибири и Севера, изучавшего некоторые группы тунгусских народов. Автор отметил вклад М.А. Кастрена в развитие науки о народах Севера, а также выразил огорчение, что за последние 75 лет в области изучения тунгусо-маньчжурских языков особенного прогресса не случилось: если письменный маньчжурский язык изучал И.И. Захаров, то живой разговорный язык так и не нашёл исследователя. В ситуации «культурной деградации» тунгусов, предрекал Е. Титов, учёные потеряют возможность исследовать их языки [36, с. 58]. В работе М.Н. приведён пересказ статьи Э.Д. Линдгрена «Северо-Западная Маньчжурия и тунгусы-оленоводы», опубликованной в 1930 г. в журнале «The Geographical Journal» [28].

Отдельного упоминания заслуживают публикации Го Дэчжоу и Н.А. Байкова. Работа первого посвящена обзору истории, хозяйства и быта орохонов, проживавших в Северо-Западной Маньчжурии вдоль р. Нонни и верхнего Амура и в лесах Большого и Малого Хингана. Автор отметил, что орохоны в 1683 г. были включены в состав восьмизнаменных войск, однако до 1875 г. специального обучения военному делу у них не было. В целом же отряды орохонов использовались главным образом для защиты от хунхузов, охраны приисков и т.п. [12, с. 71—72]. Интерес вызывает сообщение о попытках изменения кочевого образа жизни у этого народа: впервые изменить их образ жизни на оседлый власти изъявили желание ещё при императоре Канси (1654—1722), но не достигли успеха. Впоследствии в 1880 г. состоялась вторая попытка перевести орохонов к оседлому образу жизни путём фактического создания военных поселений. Однако и этот проект не привёл к желаемому результату: некоторые группы орохонов откочёвывали в недоступные для китайской администрации места, в том числе в Россию. Тем не менее в 1910-е гг. некоторые из них начали переходить к оседлости, переориентируясь на земледелие. В эти же годы была открыта первая в истории Китая школа для орохонов (1916) [12, с. 73]. В целом автор отмечал, что с начала XX в. оседлые орохоны постепенно начали усваивать элементы китайской культуры: питание, брачный обряд и т.п. А вот орохоны, проживавшие в Амурской области, перенимали некоторые русские привычки, в первую очередь, они носили одежду русского образца [12, с. 75].

Публикации Н.А. Байкова (1872—1958) [4; 5], потомка первого официального посланника России в цинский Китай Ф.И. Байкова (1612—1663/1664), представляют собой этнографические очерки, посвящённые орохонам, солонам и гольдам. Помимо описания быта этих народов, особое внимание автор уделил современным изменениям

в традиционной экономике и образе жизни. Солоны, по его словам, в значительной мере перешли к ведению сельского хозяйства (земледелию), а охота для них стала лишь подсобной деятельностью. Причём «многие солоньки не промышляют пушнину вовсе» [4, с. 128]. С распадом империи Цин солоньки утратили привилегии восьмизнаменной армии, но по-прежнему делились на знамёна и отряды «по старой памяти» и выполняли административно-полицейские функции, в том числе охраняли от хунхузов [4, с. 122]. В экономическом плане наиболее успешными в начале 1930-х гг. стали гольды. Н.А. Байков подсчитал, что в пересчёте на одного охотника-промысловика на гольдов приходилось 87 добытых зверей, на орочонов — 34 и на солоньки — 14. Во многом такой «успех» был вызван более богатыми угодьями первых [4, с. 128]. Автор свидетельствует о развитии седентаризации среди всех изучаемых в статье народов, предполагает, что в обозримом будущем все они окончательно перейдут на оседлый образ жизни.

Изучению тунгусо-маньчжуров уделялось сравнительно большое внимание в научной периодике «русского» Харбина, что было обусловлено интересом российской стороны к вопросу китайской колонизации Маньчжурии, особенно приграничной с Россией полосы. Однако исследования коренных народов региона также имело и академическое значение ввиду немалого этнокультурного разнообразия территории Дальнего Востока и Забайкалья, родственности местных народов. Во многих из перечисленных работ тунгусо-маньчжурские народы Маньчжурии рассматривались вместе с этносами Дальнего Востока России [см., например: 11; 26] — традиция, которая прервётся во второй половине XX в.

«КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ВЕСТНИКА МАНЬЧЖУРИИ»

В исследуемых материалах научной периодики заметное место занимают данные, посвящённые «корейскому вопросу». Публикации на эту тему (всего шесть) печатались только в журнале «Вестник Маньчжурии» в 1930-е гг. советскими специалистами. Под «корейским вопросом» здесь понимается совокупность проблем, вытекающих из корейской миграции в пределы Китая, главным образом в северо-восточную его часть. Изучение истории корейцев в Китае стало актуально для советской науки ввиду использования их миграции в целях «японского империализма» для «колониального проникновения» в Маньчжурию [подробнее см.: 1; 25; 31]. В 1910 г. Корея была аннексирована Японией, а корейцы стали официально являться подданными Страны восходящего солнца. К началу 1930-х гг. японский капитал уже оказывал значительное влияние на социально-экономическое развитие Маньчжурии,

а также предпринимались попытки поставить политическое руководство региона под свой контроль. В результате Мукденского инцидента (18 сентября 1931 г.) японская армия вторглась в Маньчжурию, где было образовано подконтрольное государство Маньчжоу-Го (1932—1945). Таким образом, японские войска теперь стояли на границе с СССР, создавая серьёзную угрозу безопасности его восточных рубежей.

Итак, в обзорной статье «Корейцы в Маньчжурии» И. Леонидов отмечал сложившийся масштаб корейской миграции в Маньчжурию, занимавшей второе место после китайской. Более того, в некоторых районах Дунбэя корейских переселенцев было больше, нежели ханьцев. Автор не рассматривает этнокультурные последствия колонизации, а останавливается на её экономических аспектах. При анализе причин миграции И. Леонидов указал на их множественность: это как политические, так и социально-экономические обстоятельства. К экономическим факторам он отнёс масштабный голод в Корее, крестьянское безземелье и рост эксплуатации со стороны государства и «феодалов», что побуждало корейских земледельцев искать лучшей доли на пустующих территориях соседней Маньчжурии. К политическим причинам отнесено покровительство японского правительства колонизации Маньчжурии своими подданными, что потенциально создавало повод для последующих территориальных и прочих претензий к Китаю [24, с. 72—74]. Исследователь затрагивал вопрос о численности и распределении корейского населения в «трёх восточных провинциях», а также его воздействии на социально-экономическое развитие региона. В частности, было отмечено, что корейские переселенцы привезли в Маньчжурию культуру выращивания суходольного риса, который в 1928 г. даже экспортировали в Японию (64 000 т) [24, с. 76].

В статье А.Я. Авдощенко изучен вопрос о заселении приграничного района Цзяньдао⁹. Этот край являлся родиной маньчжуров, поэтому уже в правление Канси он превратился в «запретную зону» для поселения здесь китайцев и корейцев. Такой запрет был вызван запустением Маньчжурии после переселения большей части маньчжуров в Китай. Правда, несмотря на формальную невозможность заселения территории, отдельные группы корейцев проникали сюда ещё в XVIII в. Колонизация региона стала возможна после подписания между Кореей и администрацией провинции Гири (Цзилинь) торгового договора (1884), по которому в приграничье были открыты три пункта свободной торговли, «тем самым была ликвидирована буферная зона» между двумя государствами [2, с. 91]. Затем автор рассматривает

⁹ Цзяньдао (间岛) в основном совпадает с современными границами Яньбянь-Корейского автономного округа провинции Цзилинь. В КНР термин «Цзяньдао», как правило, не используется ввиду того, что район находился под японской оккупацией. Подробнее см.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Jiandao>.

факторы корейского переселения (в основном повторяет анализ И. Леонидова), динамику численности корейцев в Цзяньдао с 1907 по 1928 г., а также его распределение по уездам по данным на декабрь 1926 г. [2, с. 91—92]. В конце статьи исследователь обратил внимание на важность этого края для Японии, так как он являлся «чёрным ходом» в Маньчжурию, в отличие от «парадного входа» в Ляодуне. Остальные материалы, опубликованные в «Вестнике Маньчжурии», не вносят ничего принципиально важного в анализ «корейского вопроса», а лишь дополняют его новыми деталями [10; 21; 29; 37].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная периодика «русского» Харбина в начале XX в. стала важной площадкой для публикации материалов, посвящённых неханьским народам Маньчжурии. Статьи, обзоры, заметки служат источниками важнейшей информации об особенностях изменения традиционной культуры тунгусо-маньчжурских народов региона. Эти исследования показали, что китайская колонизация Дунбэя представляла собой длительный процесс, растянувшийся на несколько столетий и активно набравший ход лишь на рубеже XIX—XX вв. Ханьская миграция в Маньчжурию способствовала трансформации традиционного хозяйства и быта коренных этносов, однако в начале XX в. ещё не привела к их ассимиляции: по-прежнему активно использовались языки коренных народов, исповедовалась традиционная религия и т.п. К важнейшим выводам русских учёных можно отнести наблюдение о начавшемся процессе седентаризации кочевых народов, их постепенного перехода к земледелию. В целом изучение неханьцев Маньчжурии было неотделимо от исследования этносов Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Обращение к «корейскому вопросу» было вызвано изменившейся внешнеполитической конъюнктурой: выходом Японии к границам СССР. Корейское переселение в Маньчжурию стало инструментом правительства Японии по колониальному закреплению региона. Однако советские специалисты смотрели на миграцию корейских крестьян не однобоко. Важную роль в этом процессе сыграли социально-экономические факторы, сложившиеся на Корейском полуострове: неурожайные годы и последовавший за ними голод, возросшая эксплуатация со стороны государства и «феодалов», а также рост населения и, как следствие, аграрное перенаселение. Таким образом, материалы научной периодики представляют современному исследователю своеобразный срез развития неханьских народов Маньчжурии, дают основания для проведения сравнительно-исторических изысканий в соответствующей области науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аварин В.Я. Колонизация и национальный вопрос в Маньчжурии // Революция и национальности. 1931. № 4. С. 120—137.
2. Авдощенко А.Я. История заселения Цзяньдао // Вестник Маньчжурии. 1930. № 11—12. С. 89—95.
3. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 томах. Владивосток: Рубеж, 2012. Т. 3. 784 с.
4. Байков Н.А. Охотничьи племена Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1934. № 7. С. 119—128.
5. Байков Н.А. Очерки быта обитателей тайги // Вестник Маньчжурии. 1928. № 3. С. 31—41.
6. Баранов А.М. Доклад председателя историко-этнографической секции О.И.М.К. (Общему собранию 29-го октября 1922 г.) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1922. № 2. С. 4—8.
7. Баранов А.М. Историческое прошлое Маньчжурии (Очерк работы Историко-Этнографической секции ОИМК по обследованию памятников старины в Маньчжурии за 1923—1927 гг.) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1928. № 7. С. 9—19.
8. Баранов А.М. Регистрация памятников древности в Маньчжурии // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1923. № 3. С. 37—40.
9. Болобан А.П. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85—127.
10. Галич А.И. Корейские земледельческие посёлки в районе КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1931. № 2. С. 30—36.
11. Гапанович И.И. Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность (из материалов ОИМК) // Вестник Маньчжурии. 1927. № 8. С. 30—35; № 9. С. 43—46; № 11. С. 45—48.
12. Го Д.Ч. [Го Дэчжоу]. Орочны Хэйлунцзянской провинции // Вестник Маньчжурии. 1931. № 2. С. 71—75.
13. Гребенщиков А.В. В Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 130—151.
14. Гребенщиков А.В. В Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 174—193.
15. Гребенщиков А.В. В Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. 1910. № 4. С. 146—162.
16. Гребенщиков А.В. В Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 107—130.
17. Гребенщиков А.В. Очерк заселения китайского Приамурья // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 34—58.
18. Гребенщиков А.В. По Амуру и Сунгари // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 189—212.
19. Гребенщиков А.В. Устав шаманской службы маньчжуров / предисловие и публикация Т.А. Пан // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941—1944). М.: Вост. лит., 2011. С. 117—133.
20. Дудин П.Н. Маньчжуро-монгольский социум на страницах региональных научных изданий первой половины XX в. // Oriental Studies. 2022. № 4. С. 761—776. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-761-776.
21. Ер-в М.Н. Корейцы в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1931. № 8. С. 129—134.
22. История Маньчжурии XVII—XX вв. Кн. 1. Труды по истории Маньчжурии на русском языке (1781—1975 гг.): библиографический указатель. Владивосток: ДВНЦ, 1981. 344 с.
23. Китайская колонизация Северной Маньчжурии // Вестник Азии. 1915. № 34. Кн. 2. С. 240.

24. Леонидов И. Корейцы в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1930. № 11—12. С. 72—78.
25. Ли Канг. Маньчжурские события и Корея // Материалы по национально-колониальным проблемам. 1932. № 3. С. 95—110.
26. Лопатин И.А. Орочи — сородичи маньчжур // Вестник Маньчжурии. 1925. № 8—10. С. 15—39.
27. Меньшиков П.Н. Краткий исторический очерк Маньчжурии // Вестник Азии. 1917. № 42. С. 1—48.
28. М.Н. Северная Маньчжурия и тунгусы-оленоводы // Вестник Маньчжурии. 1934. № 7. С. 129—134.
29. Обзор дальневосточной прессы: Корейские крестьяне в Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1933. № 12. С. 86—89.
30. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения, начало XX в. — 1945 г.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 327 с.
31. Пак. Корейцы в Маньчжурии // Материалы по национально-колониальным проблемам. 1932. № 3. С. 111—120.
32. Рычков К.М. Тунгусские племена. Очерк // Вестник Азии. 1917. № 43. Вып. 3. С. 3—16.
33. Скачков П.Е. Библиография Китая (1730—1930). М.: Наука, 1960. 691 с.
34. Смирнов С.В. Китай в трудах русских ориенталистов Харбина // Уральское востоковедение. 2024. Вып. 14. С. 53—67. DOI: 10.15826/usos.2024.14.5.
35. Титов Е. Заметки по этнографии тунгусов (Баргузинский округ Забайкальской области). Землепользование и охотничье право // Вестник Азии. 1924. № 52. С. 291—300.
36. Титов Е. К изучению бесписьменных языков Маньчжурии. Библиография. Библиографический бюл. Центральной библиотеки КВЖД № 5 // Вестник Маньчжурии. 1927. № 7. С. 57—58.
37. Ульский А.И. Корейская иммиграция в Маньчжурию (по материалам японской и маньчжурской прессы) // Вестник Маньчжурии. 1934. № 11—12. С. 56—71.
38. Фрозе Б. Восточная Монголия и её колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 137—152.
39. Хисамутдинов А.А. Русские этнографы-эмигранты в Маньчжурии, их труды и судьбы // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 62—75.
40. Штецнер В. Путешествие к северо-востоку от Мергэня (Предварительное сообщение) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1928. № 7. С. 20—23.
41. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // The Journal of Asian Studies. 2000. Vol. 59. Iss. 3. P. 603—646. DOI:10.2307/2658945.

REFERENCES

1. Avarin V.Ya. Kolonizatsiya i natsional'nyy vopros v Man'chzhurii [Colonization and the National Question in Manchuria]. *Revolutsiya i natsional'nosti*, 1931, no. 4, pp. 120—137. (In Russ.)
2. Avdoshchenkov A.Ya. Istoriya zaseleniya Tszyan'dao [History of the Settlement of Jiandao]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1930, no. 11—12, pp. 89—95. (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. *Sobranie sochineniy v 6 tomakh*. [Collected Works in 6 Volumes]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2012, vol. 3, 784 p. (In Russ.)
4. Baykov N.A. Okhotnich'i plemena Severnoy Man'chzhurii [Hunting Tribes of Northern Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 7, pp. 119—128. (In Russ.)
5. Baykov N.A. Ocherki byta obitateley taygi [Essays on the Life of Taiga Inhabitants]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1928, no. 3, pp. 31—41. (In Russ.)

6. Baranov A.M. Doklad predsedatelya istoriko-etnograficheskoy sektiisii O.I.M.K. (Obshchemu sobraniyu 29-go oktyabrya 1922 g.) [Report of the Chairman of the Historical and Ethnographic Section of the S.S.M. (To the General Meeting of October 29, 1922)]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*, 1922, no. 2, pp. 4—8. (In Russ.)
7. Baranov A.M. Istoricheskoe proshloe Man'chzhurii (Ocherk raboty Istoriko-Etnograficheskoy sektiisii OIMK po obsledovaniyu pamyatnikov stariny v Man'chzhurii za 1923—1927 gg.) [The Historical Past of Manchuria (An Essay on the Work of the Historical and Ethnographic Section of the SSM on the Survey of Ancient Monuments in Manchuria in 1923—1927)]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*, 1928, no. 7, pp. 9—19. (In Russ.)
8. Baranov A.M. Registratsiya pamyatnikov drevnosti v Man'chzhurii [Registration of Ancient Monuments in Manchuria]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*, 1923, no. 3, pp. 37—40. (In Russ.)
9. Boloban A.P. Kolonizatsionnye problemy Kitaya v Man'chzhurii i Mongolii [Colonization Problems of China in Manchuria and Mongolia]. *Vestnik Azii*, 1910, no. 3, pp. 85—127. (In Russ.)
10. Galich A.I. Koreyskie zemledel'cheskie poselki v rayone KVZhD [Korean Agricultural Settlements in the CER Area]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1931, no. 2, pp. 30—36. (In Russ.)
11. Gapanovich I.I. Amgunskie tungusy i negidal'tsy, ikh budushchnost' (iz materialov OIMK) [Amgun Tungus and Negidals, Their Future (from the Materials of SSM)]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1927, no. 8, pp. 30—35; no. 9, pp. 43—46; no. 11, pp. 45—48. (In Russ.)
12. Go D.Ch. [Go Dechzhou]. Orochony Heyluntszyanskoy provintsii [Oroqen of Heilongjiang Province]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1931, no. 2, pp. 71—75. (In Russ.)
13. Grebenshchikov A.V. V Butkhu i Mergen' po r. Nonni [In Butkhu and Mergen along the Nonni River]. *Vestnik Azii*, 1909, no. 2, pp. 130—151. (In Russ.)
14. Grebenshchikov A.V. V Butkhu i Mergen' po r. Nonni [In Butkhu and Mergen along the Nonni River]. *Vestnik Azii*, 1910, no. 3, pp. 174—193. (In Russ.)
15. Grebenshchikov A.V. V Butkhu i Mergen' po r. Nonni [In Butkhu and Mergen along the Nonni River]. *Vestnik Azii*, 1910, no. 4, pp. 146—162. (In Russ.)
16. Grebenshchikov A.V. V Butkhu i Mergen' po r. Nonni [In Butkhu and Mergen along the Nonni River]. *Vestnik Azii*, 1910, no. 5, pp. 107—130. (In Russ.)
17. Grebenshchikov A.V. Ocherk zaseleniya kitayskogo Priamur'ya [Essay on the Settlement of the Chinese Amur Region]. *Vestnik Azii*, 1911, no. 7, pp. 34—58. (In Russ.)
18. Grebenshchikov A.V. Po Amuru i Sungari [Along the Amur and Sungari]. *Vestnik Azii*, 1909, no. 1, pp. 189—212. (In Russ.)
19. Grebenshchikov A.V. Ustav shamanskoy sluzhby man'chzhurov [Charter of the Manchu Shamanic Service]. Preface and Publication by T.A. Pan. *Trudy vostokovedov v gody blokady Leningrada (1941—1944)* [Works of Orientalists during the Siege of Leningrad (1941—1944)]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2011, pp. 117—133. (In Russ.)
20. Dudin P.N. Man'chzhuro-mongol'skiy sotsium na stranitsakh regional'nykh nauchnykh izdaniy pervoy poloviny XX v. [Manchu-Mongolian Society: Examining Early-to-Mid 20th Century Regional Scientific Publications]. *Oriental Studies*, 2022, no. 4, pp. 761—776. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-62-4-761-776. (In Russ.)
21. Er-v M.N. Koreytsy v Man'chzhurii [Koreans in Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1931, no. 8, pp. 129—134. (In Russ.)
22. *Istoriya Man'chzhurii XVII—XX vv. Kn. 1. Trudy po istorii Man'chzhurii na russkom yazyke (1781—1975 gg.): bibliograficheskiy ukazatel'* [History of Manchuria in the 17th — 20th Centuries. Book 1. Works on the History of Manchuria in Russian (1781—1975): Bibliographic Index]. Vladivostok, DVNTs Publ., 1981, 344 p. (In Russ.)

23. Kitayskaya kolonizatsiya Severnoy Man'chzhurii [Chinese Colonization of Northern Manchuria]. *Vestnik Azii*, 1915, no. 34, iss. 2, p. 240. (In Russ.)
24. Leonidov I. Koreytsy v Man'chzhurii [Koreans in Manchzhurii]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1930, no. 11—12, pp. 72—78. (In Russ.)
25. Li Kang. Man'chzhurskie sobytiya i Koreya [Manchurian Events and Korea]. *Materialy po natsional'no-kolonial'nym problemam*, 1932, no. 3, pp. 95—110. (In Russ.)
26. Lopatin I.A. Orochi — sorodichi man'chzhur [Orochi — Relatives of the Manchus]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1925, no. 8—10, pp. 15—39. (In Russ.)
27. Men'shikov P.N. Kratkiy istoricheskiy ocherk Man'chzhurii [Brief Historical Essay on Manchuria]. *Vestnik Azii*, 1917, no. 42, pp. 1—48. (In Russ.)
28. M.N. Severnaya Man'chzhuriya i tungusy-olenevody [Northern Manchuria and Tungus Reindeer Herders]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 7, pp. 129—134. (In Russ.)
29. Obzor dal'nevostochnoy pressy: Koreyskie krest'yane v Man'chzhurii [Review of the Far Eastern Press: Korean Peasants in Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1933, no. 12, pp. 86—89. (In Russ.)
30. Pavlovskaya M.A. *Kharbinskaya vetv' rossiyskogo vostokovedeniya, nachalo XX v. — 1945 g.*: dis. ... kand. ist. nauk [Harbin Branch of Russian Oriental Studies, Early 20th Century — 1945. PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok, 1999, 327 p. (In Russ.)
31. Pak. Koreytsy v Man'chzhurii [Koreans in Manchuria]. *Materialy po natsional'no-kolonial'nym problemam*, 1932, no. 3, pp. 111—120. (In Russ.)
32. Rychkov K.M. Tungusskie plemena. Ocherk [Tungus Tribes. Essay]. *Vestnik Azii*, 1917, no. 43, iss. 3, pp. 3—16. (In Russ.)
33. Skachkov P.E. *Bibliografiya Kitaya (1730—1930)* [Bibliography of China (1730—1930)]. Moscow, Nauka Publ., 1960, 691 p. (In Russ.)
34. Smirnov S.V. Kitay v trudakh russkikh orientalistov Kharbina [China in the Works of Russian Orientalists from Harbin]. *Ural'skoe vostokovedenie*, 2024, iss. 14, pp. 53—67. DOI: 10.15826/usos.2024.14.5. (In Russ.)
35. Titov E. Zametki po etnografii tungusov (Barguzinskiy okrug Zabaykal'skoy oblasti). Zemlepol'zovanie i okhotnich'e pravo [Notes on the Ethnography of the Tungus (Barguzinsky District of the Transbaikal Region). Land Use and Hunting Law]. *Vestnik Azii*, 1924, no. 52, pp. 291—300. (In Russ.)
36. Titov E. K izucheniyu bespis'mennykh yazykov Man'chzhurii. Bibliografiya. Bibliograficheskiy byul. Tsentral'noy biblioteki KVZhD № 5 [On the Study of Unwritten Languages of Manchuria. Bibliography. Bibliographic Bulletin of the Central Library of the CER No. 5]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1927, no. 7, pp. 57—58. (In Russ.)
37. Ul'skiy A.I. Koreyskaya immigratsiya v Man'chzhuriyu (po materialam yaponskoy i man'chzhurskoy pressy) [Korean Immigration to Manchuria (Based on Materials from the Japanese and Manchurian Press)]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no. 11—12, pp. 56—71. (In Russ.)
38. Froze B. Vostochnaya Mongoliya i ee kolonizatsiya [Eastern Mongolia and Its Colonization]. *Vestnik Azii*, 1911, no. 10, pp. 137—152. (In Russ.)
39. Khisamutdinov A.A. Russkie etnografy-emigranty v Man'chzhurii, ikh trudy i sud'by [Russian Ethnographers-Emigrants in Manchuria, Their Works and Destinies]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 2, pp. 62—75. (In Russ.)
40. Shtetsner V. Puteshestvie k severo-vostoku ot Mergeniya (Predvaritel'noe soobshchenie) [Journey to the Northeast of Mergen (Preliminary Report)]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya*, 1928, no. 7, pp. 20—23. (In Russ.)
41. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies. *The Journal of Asian Studies*, 2000, vol. 59, iss. 3, pp. 603—646. DOI: 10.2307/2658945. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 09.04.2025